

ББК 67.400

И.Ю. Остапович

**Развитие судебного нормотворчества в России:
история и современность**

I.Yu. Ostapovich

**The Development of Judicial Rulemaking in Russia:
History and Modern State**

Раскрывается историческое развитие и современное состояние судебного нормотворчества в России. Анализируется российская и зарубежная конституционно-судебные доктрины. Отмечается, что решения Конституционного Суда Российской Федерации не могут быть отнесены к какому-либо известному современному источнику российского права, в то же время в определенных случаях они приобретают черты оригинального источника права.

Ключевые слова: судебное нормотворчество, Конституционный Суд Российской Федерации, оригинальный источник права.

Основным источником права в России всегда являлся закон как писанный акт высшей государственной власти. При этом судебное нормотворчество длительное время не признавалось, хотя судебная практика играла важную роль при разрешении правовых споров и учитывалась при издании правовых актов (законов).

В период становления и развития права определенный круг общественных отношений регулировался также обычаями, которые применялись при рассмотрении судебных тяжб общиной, а впоследствии князем и его наместниками. Во время княжеского правления на Руси вся власть, в том числе судебная, сосредотачивалась в руках князя. Князь при рассмотрении спора в силу отсутствия норм обычного права или несоответствия их жизненной ситуации мог создавать правило, становившееся прецедентом.

Русский историк права А.Е. Пресняков считал, что область княжеского решения – это решение по справедливости, игравшее существенную роль в развитии права у всех народов, а также создание нового права путем прецедентов, какими становились отдельные княжеские приговоры.

Нормы, созданные княжеской судебной практикой, нашли свое воплощение в Русской Правде – своде древнерусских законов Киевского государства («Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «Устав Владимира Мономаха») XI–XII вв. Особое значение в формулировании системы права периода феодаль-

The article reveals historical development and current state of judicial law-making in Russia. Russian and foreign constitutional courts' doctrines are analyzed. It is noted that decisions of the Russian Federation Constitutional Court can not be assigned to any known source of the modern Russian law, but at the same time, these decisions have a few features of the original source of law.

Key words: judicial rulemaking, Constitutional Court of the Russian Federation, original source of law.

ной раздробленности имела практика, роль которой усиливалась по мере изменения общественной жизни. Эти нормы права в виде княжеских приговоров становятся прецедентами, что облегчает нахождение и применение права в будущем при сходных случаях. Княжеские прецеденты для удобства использования и сохранения заносили в уставы и своды.

Судебная практика стала в последующем важным источником русского Судебника 1497 г. Исследуя вопросы истории права, И.А. Исаев приходит к выводу о том, что если Русская Правда являлась сводом обычных норм и судебных прецедентов, своеобразным пособием для поиска нравственной и юридической истины, то Судебник 1497 г. стал прежде всего «инструкцией» для организации судебного процесса.

Дореформенные судебно-административные органы Российской империи, начиная с эпохи Петра I, строились в основном по западноевропейской модели, сложившейся в эпоху феодального абсолютизма. Однако к середине XIX в. европейские государства отказались от нее как от устаревшей и несовершенной. «Просвещенная монархия» XVIII в., с ее механистической и авторитарной концепцией права как инструмента верховной власти, представлялась уже анахронизмом в эпоху, когда все настойчивее отстаивалась идея о том, что право не зависит от политики и должно стоять над ним. Получившая широкое распространение идея о «правлении закона» как о нормативном принципе устройства общества и государства лежала

в основе не только Судебной реформы 1864 г., но и всей эпохи реформ XIX в.

Как отмечают историки, характер российских реформаторов вырабатывался не столько учебными программами, сколько интеллектуальными течениями, формировавшими общекультурные особенности. В области права это была в первую очередь «историческая школа» Ф. Савиньи, из которой чиновники-реформаторы восприняли не только консервативную сторону, но и «либертарианский», эмансипаторский смысл ее идей относительно исторического процесса и эволюции права. Определенную роль сыграли литературные течения романтизма и концепции французского социализма. В результате возникло совершенно новое для русского самодержавия отношение к закону, зародился новый тип политической культуры среди чиновничества.

Российские реформаторы XIX – начала XX в. отвергали концепцию естественного права. По мнению Т. Тарановского, им была ближе современная западная концепция естественных прав личности, защищаемых законом ради блага самой личности; но в целом их взгляды представляли собой вариант скорее средневропейского, нежели западноевропейского либерализма XIX в.

Подобные идеи реформаторов нашли отражение в Судебных уставах 20 ноября 1864 г., которые, на наш взгляд, явились важнейшим шагом к построению гражданского общества в России. «Благодаря им, – пишет Б. Линкольн, – была уничтожена многовековая прерогатива царя – контроль за отправлением правосудия, и началась трансформация самодержавия в более современную форму монархии. В то же время работа реформаторов-юристов заложила краеугольный камень современного общества, основанного на общественной справедливости и гражданской ответственности».

В основу Судебной реформы был положен принцип разделения властей, судебные функции были отделены от административных, созданы местные и общие суды – новая модель судостроительства.

Судебная власть сосредотачивается в судах и Сенате. Сенат выступал в качестве высшего судебного и надзорного органа. В его ведении находилось толкование законов и решение юридических коллизий. Разъяснения Сената становятся обязательными для юридической практики. Отдельные постановления Сената, утвержденные главой государства – императором, приобретали статус законов. Таким образом, решения Сената и суда по толкованию тех или иных положений закона признавались прецедентами толкования и являлись обязательными для применения. Так складывалось судебное нормотворчество после Судебной реформы 1864 г. Современники реформы высказывались о положительном значении судебной практики и судебного прецедента. Выступая на го-

довом собрании юридического общества при Санкт-Петербургском университете 14 февраля 1882 г., С.В. Пахман отмечал: «...что же касается отношения судебной практики к движению законодательства, то известно, что практика, и без искусственных с ее стороны усилий, всегда имела и будет иметь влияние в деле усовершенствования положительных норм, вызываемого требованиями жизни, ибо недостатки закона ни в чем не сказываются столь убедительно и ясно, как при разрешении отдельных случаев на практике» [1, с. 33].

Естественным образом складывалась ситуация, при которой судьи вынуждены были интерпретировать законы, порождать на этой основе «образцовые» решения (прецеденты) и тем самым участвовать в правотворчестве.

Особую роль в этом играл Сенат, о котором Г.В. Демченко писал: «Судебная практика Сената имеет юридическое значение источника права, хотя и занимающего теперь – при необычайном развитии законодательства – подчиненное, второстепенное место» [2, с. 234]. Как бы подводя итог обновленной роли судебной практики в России конца XIX – начала XX в., Е.Н. Трубецкой отмечал, что «в России судебная практика имеет значение самостоятельного источника права, но это значение было официально признано за ней лишь со времени издания Судебных уставов императора Александра II» [3, с. 133].

Известно, что Декрет о суде №1 от 22 ноября 1917 г. отменил действие прежних законов [4]. Главным источником права становится революционное правосознание, на основе которого должна была формироваться новая судебная практика: при отсутствии норм права судам рекомендуется руководствоваться правосознанием исходя из интересов государства. Разрабатывая программу партии большевиков, ее руководитель В.И. Ленин писал: «Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг – осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его – руководствоваться социалистическим правосознанием, отменяя законы свергнутых правительств» [5, с. 115]. При отсутствии писаных норм права в судах действуют нормы обычного права. Революционное правотворчество в этот период осуществляется судебными органами, высшими органами власти, руководящими органами ведущей политической партии и местными советами.

В ноябре 1918 г. утверждено Положение о едином народном суде РСФСР, которым положено начало созданию системы народного суда, включающего судью и народных заседателей. На первый план вышли принципы судебного права: коллегиальность рассмотрения дела и принятие судебного решения, расширение судебного правотворчества. Д.И. Курский

на примере нескольких судебных решений народных судов делает вывод, что решения местного народного суда, взятые в большом объеме, дадут богатейший материал для характеристики и самого народного суда, и революционного правотворчества. По его выражению, народный суд является «чистым родником подлинного народного права» [6, с. 158].

По мере укрепления власти партии большевиков и создания социалистического права роль суда сводится к применению права при рассмотрении дел и обобщении судебной практики. Но даже в это сложное время ученые пытаются выделить роль судебной практики в социалистическом праве, раскрыть и показать существование отдельных форм судебного нормотворчества. Так, П. Орловский пишет: «Судебная практика приобретает руководящее обязательное значение для судов, следовательно, является источником советского гражданского права» [7].

В 50–80-е гг. XX в. вопрос о юридической природе решений судебных органов, в том числе высших судебных органов, оставался дискуссионным. Ряд ученых (С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров и др.) пытались доказать, что судебная практика является дополнительным, вспомогательным средством регулирования общественных отношений [8; 9], тогда как роль судебных органов сводилась лишь к применению нормативного акта. В то же время можно было распознать признаки правотворческой деятельности высшего судебного органа, вызванные жизненной необходимостью в ходе применения закона. Е. Мартынич и Э. Колоколова обоснованно отмечают, что «в бывшем Советском государстве прочно утвердились два вида судебного правотворчества: руководящие разъяснения пленумов (Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик) и решения других высших судебных инстанций по конкретным делам. Такова была реальность относительно судебного нормотворчества в социалистическом государстве, где теоретически его отметили, а на практике вуалировали» [10, с. 20–22].

После распада СССР начался новый этап развития судебного нормотворчества в современной России. Верховным Советом РСФСР одобрена Концепция судебной реформы в стране. Верховный Суд СССР прекратил свое существование. В 1991 г. учреждается Конституционный Суд РФ.

12 декабря 1993 г. в России принимается новая Конституция РФ. Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 11).

Вместе с тем возникает вопрос: вытекает ли из принципа разделения властей абсолютное разделение сфер деятельности и функций различных ветвей власти? Ведь разделение властей – не самоцель. Основное предназначение данного принципа – предотвратить или, по крайней мере, минимизировать возможность

злоупотребления государственной властью, узурпации ее в одних руках.

Об этом говорит и А.А. Петров, который считает, что «принцип разделения властей предполагает наличие нормотворческих возможностей у всех трех названных ветвей власти, в том числе и у судов» [11, с. 4–12].

Вопрос о нормотворческой функции высших судебных органов находит свое развитие в современной юридической науке [12–15]. Особенно он актуализировался в связи с введением в России конституционной юстиции, прежде всего учреждением Конституционного Суда Российской Федерации.

Актуальность и практическая значимость вопроса о правовой природе решений органов конституционного контроля (надзора) давно ведется в юридическом мире. Не утихает спор относительно того, создают ли органы конституционного контроля нормы права или они их только выявляют, провозглашают. Другими словами, легитимно ли их правотворчество? Данная проблема имеет взаимосвязанные доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты.

Известно, что Конституционный Суд РФ отнесен Конституцией РФ к одному из субъектов законодательной инициативы в федеральном законодательном процессе.

Относительно правовой природы актов органов конституционной юрисдикции в российской правовой доктрине этот вопрос рассматривается неоднозначно. Свидетельством тому являются различные, в том числе противоположные, точки зрения, при этом какая-либо из них в настоящее время не является абсолютно доминирующей.

Б.С. Эбзеев, ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №12-П по делу о толковании ст. 136 Конституции РФ, делает вывод, что Конституционный Суд РФ совершенно очевидно реализовал свои правотворческие функции, установив новый вид правового акта, с помощью которого конституционный текст может быть изменен. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в понимании указанной статьи, в связи с чем Государственная Дума ходатайствовала о толковании ее относительно наименования и правовой формы документа, содержащего поправку к Конституции РФ. Конституция РФ действительно ничего не упоминает об акте, которым бы вносились поправки в ее текст. В процессе же рассмотрения дела Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что ни федеральный, ни федеральный конституционный закон не могут являться формами принятия конституционных поправок. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №12-П говорится: «Положения статьи 136 Конституции РФ могут быть реализованы только в форме специального правового акта о конституционной поправке, имеющего особый

статус и отличающегося как от федерального закона, так и от федерального конституционного закона» [16].

Профессор А.А. Белкин замечает, что регламентация характера решений Конституционного Суда позволила проводить открытую линию на признание за ним правотворческой функции [17, с. 16].

Судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь пишет, что «по природе, сущностным характеристикам и результатам деятельность органов конституционного правосудия как универсального института разрешения социальных противоречий не исчерпывается правоприменением. Она имеет более сложный характер: получая институционное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный процесс, конституционное правосудие (и это становится все более очевидным для современной юриспруденции) в итоговых правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, правотворчеством. Это квазиправотворческий орган» [18, с. 37–40].

Главным контраргументом изложенной точки зрения является выраженная еще Г. Кельзеном, одним из инициаторов создания первого в мире специализированного конституционного суда – Федерального Конституционного Суда Австрии, позиция, согласно которой единственным источником права является нормативный правовой акт; правосудие же, пусть даже и конституционное, не предназначено в системе разделения властей для создания, изменения либо уточнения норм права.

Н.А. Богданова делает вывод о том, что Конституционный Суд РФ не создает новых норм, а выступает лишь в роли некоего «блюстителя юридической строгости правовой системы, института, в определенной мере сдерживающего и дисциплинирующего законодательную и исполнительную власть в их правотворческой деятельности» [19, с. 64–65].

Кроме всего, сторонники отрицания правотворческой роли Конституционного Суда, как и иных судов, ссылаются прежде всего на особенности романо-германской правовой семьи, к которой обычно относят правовую систему России. Как полагают некоторые авторы, романо-германское право является кодифицированным, с признанием основного его источника – закона, и в отличие от англосаксонского в нем отсутствует судебное правотворчество (судебный прецедент).

Нет достаточных оснований и для категоричного утверждения о том, что в романо-германской правовой семье в силу типологических особенностей, закономерностей формирования и развития, в отличие от англосаксонской системы общего права, отсутствует судебное правотворчество как источник права. И в отечественной, и в зарубежной науке на основе анализа реальных процессов в мировом правовом пространстве отмечается сближение правовых систем

в условиях глобализации, что проявляется и в системе источников права. Правовые факторы глобализационной модернизации наиболее зримо материализуются в усиливающейся тенденции сближения англосаксонской и европейской континентальной правовых систем, их конвергенции. Это находит выражение как в развитии в странах романо-германской правовой семьи судебного правотворчества (высшими судебными инстанциями) при сохранении ведущей роли закона среди правовых источников, так и в возрастании роли закона, статутного права в странах англосаксонской правовой семьи, где исторически главенствующая роль принадлежит такому источнику права, как судебная практика (судебный прецедент).

Немецкие исследователи-компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кетц, отмечая сближение в настоящее время общего и континентального права, пишут: «На континенте происходит постепенное ослабление незыблемой веры в примат закона, понимание ошибочности представлений о том, что принятие решений – лишь техническая и автоматическая операция. Наоборот, в законе видят все больше лишь выражение общих принципов, дающих большой простор для толкования, и, как следствие этого, постоянная судебная практика становится самостоятельным источником права (в форме судебных решений). В англо-американском праве наметилась противоположная тенденция. Со стремительным ростом массового производства, приведшим, в свою очередь, к усилению плановых начал в экономике, существенно расширился круг проблем, решение которых требовало обращения к абстрактным нормам» [20, с. 111].

Указанные тенденции в развитии правовых семей, их сближение не означают, что в странах романо-германского права закон утрачивает свое господствующее положение, а судебная практика приобретает в сфере правотворчества такое же значение, какое она имеет в странах общего права, превращает романо-германское право в прецедентное. К тому же следует иметь в виду, что названные тенденции неодинаково проявляются в конкретных национальных правовых системах.

На вопрос, является ли судебная практика источником права, доктрина, законодательство и практика различных стран романо-германской правовой семьи отвечают по-разному. В одних странах такая ее роль в качестве прецедента официально признается и даже законодательно закрепляется (Испания, Швейцария и др.). В других – формально (официально) правотворческая деятельность судов не признается, противоречиво интерпретируется в доктрине, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.) [21].

Вместе с тем в странах романо-германского права, даже в тех, где судебная практика как источник права

формально не признается (точнее, законодательство «молчит» по этому поводу), решения конституционных судов выделяются особо. Так, решения конституционных судов (или их часть) определяются как имеющие силу закона (ФРГ, Литва), содержащие правоположения (Австрия) или правовую доктрину (по сути – прецеденты) (Испания), как нормативные акты, являющиеся составной частью действующего права (Казахстан), как нормативно-правовые акты, акты нормативного характера (Азербайджан, Армения, Беларусь) [21].

В связи с этим интересна позиция Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 16 июня 1998 г. №19-П (п. 4 его мотивировочной части) указал, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решение нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [22]¹.

Чуть позднее в Определении от 8 октября 1998 г. №118-О «нормативная» характеристика была распространена и на правовые позиции суда: положения мотивировочной части постановления, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы суда, сформулированные в резолютивной части этого же постановления, отражают правовую позицию суда и также носят обязательный характер (более подробно см.: [23]).

Однако подобная интерпретация не означает, что Конституционный Суд РФ считает свои решения нормативными актами. Он указывает лишь на общность у этих видов правовых актов определенных признаков (юридических свойств), которых нет у актов иных судов. Вместе с тем решения Конституционного Суда, в отличие от нормативных правовых актов: во-первых, принимаются не с целью правового регулирования, а с целью осуществления контроля за конституционно-правовым качеством действующего права, защиты Конституции РФ, что, однако, не отрицает их праворегилирующего воздействия; во-вторых, представляют собой интерпретацию конституционно-правовых принципов и норм, раскрывающую смысл конституционных положений и в его контексте должное конституционное содержание проверяемого акта (нормы), т.е. всегда носят про-

изводный непосредственно от конституции и общих принципов права характер; в-третьих, принимаются в процессе не законотворчества, а конституционного судопроизводства; в-четвертых, принимаются в форме судебного решения; в-пятых, нормативное содержание присуще не всему решению Конституционного Суда, а только содержащимся в нем позициям и основанным на них итоговым выводам.

Профессор Е.В. Гриценко, сопоставляя подходы к соотношению охранительных и преобразовательных начал в деятельности органа, осуществляющего конституционное судопроизводство, в американской, германской и российской моделях конституционной юстиции, констатирует определенную универсальность самой проблемы поиска баланса между этими двумя началами [23]. И хотя российская модель конституционного правосудия наиболее близка к германской и во многом построена по германскому образцу, *в части характеристики правотворческой деятельности конституционного суда она скорее тяготеет к американской модели*².

Поэтому следует согласиться, что позиции Конституционного Суда РФ сходны с тем, что в зарубежной доктрине судебного прецедента называют *ratio decidendi* (сущность решения) – часть судебного решения, выходящая по своему значению за рамки рассмотренного дела, в отличие от *obiter dicta* – «попутно сказанного» [24, с. 7; 25, с. 109–110].

Вместе с тем есть резон в утверждении, что не совсем точно рассматривать решения Конституционного Суда РФ в качестве судебного прецедента в собственном смысле слова, т.е. как решения по конкретному делу, которому, как образцу, должны следовать нижестоящие суды при рассмотрении аналогичных дел. Речь по сути идет об общеобязательной силе решений Конституционного Суда, т.е. о том, что исполнять их должны все государственные и иные органы, а не только прямые адресаты [26, с. 22–31].

Поэтому характеристику решений Конституционного Суда следует понимать в том смысле, что они обязательны не только для сторон по рассмотренному делу, но и для всех органов публичной власти, других субъектов права. Соответственно, и юридическая сила его решений распространяется не только на акт, который был предметом проверки, но и на все иные, аналогичные по содержанию.

В этой связи следует согласиться с Н.С. Бондарем, который указывает, что решения Конституционного Суда – нормативно-правовая основа формирования

¹ См.: Пункт 2 абзаца 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 8 октября 1998 г. №118-О по жалобе гражданки Головановой Л.А. о нарушении ее конституционных прав Положением абзаца 1 части седьмой ст. 19 закона РСФСР «О милиции» [Электронный ресурс]. URL: СПС «КонсультантПлюс».

² Интересно в этой связи суждение Председателя высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова о том, что российская судебная система с точки зрения дихотомии «прецедент – не прецедент» находится где-то на полпути к окончательному переходу к прецедентной системе. См.: выступление Председателя ВАС А.А. Иванова на Третьих Сенаатских чтениях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Reading/Pages/PerformanceIvanov.aspx>.

судебного конституционализма, особый вид актов нормоустановительного характера, а выработка правовой позиции, преодоление конституционно-правовой неопределенности – специфическая форма правотворческой деятельности Суда (см.: [27]).

Подводя итоги, следует отметить: во-первых, Конституция РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» не наделяют Конституцион-

ный Суд РФ правотворческими полномочиями в конституционном процессе; во-вторых, рассмотренные свойства решений Конституционного Суда позволяют сделать вывод о том, что они не могут быть отнесены к какому-либо известному современному источнику российского права, вбирая в то же время в себя некоторые их черты и приобретая в определенных случаях качества оригинального источника права.

Библиографический список

1. Пахман С.В. О современном движении в науке права. – СПб., 1882.
2. Демченко Г.В. Судебный прецедент. – Варшава, 1903.
3. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – М., 1908.
4. Декреты Советской власти. Т. I. – М., 1957.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. : в 55 т. – Изд-е 5-е. – М., 1967. – Т. 38.
6. Курский Д.И. Заметки о народном суде // Избранные статьи и речи. – М., 1958.
7. Орловский П. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – №8–9.
8. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966.
9. Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе. – М., 1975.
10. Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. – 1994. – №12.
11. Петров А.А. К дискуссии о правовой природе решений Конституционного Суда РФ // Академический юридический журнал. – 2002. – №3.
12. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М., 2000.
13. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. – М., 2004.
14. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М., 2007.
15. Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика. – Пенза, 2009.
16. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №45. – Ст. 4408.
17. Белкин А.А. Источники права и судебная практика в РФ // Вопросы правоведения. – 2009. – №1.
18. Бондарь Н.С. Конституционализм как социокультурное явление современного глобалистского мира // Диалог культур и партнерство цивилизаций. – СПб., 2010.
19. Богданова Н.А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – №3.
20. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : перев. с нем. – Т. 1. – М., 1995.
21. Конституции стран мира (конституции и основные законы стран мира) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uznal.org/constitution.php>.
22. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №25. – Ст. 3004.
23. Гриценко Е.В. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – №5 (84).
24. Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. – 1997. – №11.
25. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сборник докладов. – М., 1999.
26. Морщакова Т.Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – №6.
27. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М., 2011.